

МЕРТВАЯ ВОДА, СОВЕТСКИЕ МЫСЛИТЕЛИ И ГАМБУРГСКИЙ СЧЕТ

А.Н. Дмитриев
ГУ-ВШЭ, Москва

peter-kin2001@yandex.ru

Статья представляет собой отклик на публикуемую в том же номере статью Михаила Немцева. Автор ставит вопрос о действительной ценности и актуальной значимости «советской философии» и предлагает понимать ее развитие как постепенное «взрыхление» идеологической почвы и формирование профессиональных философских позиций. Высказывается сомнение в эвристической ценности изучения отдельных персоналий для понимания этой истории.

Ключевые слова: советская философия, полуофициальная философия, опыт, нормативность, Ильенков.

Дистанция в двадцать постсоветских лет, отделяющая нас от крушения прежних идейных *Lebensformen*, кажется сподвигает к новой постановке самоочевидных вопросов, которые, похоже, оказались почти вовсе забыты. Главный и обескураживающий, прыжком возвращающий к исходной точке какого-нибудь сентября 1991 года вопрос: а есть ли у нас предмет спора? Была ли, собственно, советская философия? И чем она была – по сравнению с философией «мировой» (при всей условности последней как некой явной и верифицируемой целостности)? Но кроме того – кто такие эти «мы», так или иначе причастные к факту этого крушения и одновременно – выносящие теперь некие законченные суждения и приговоры?

В сегодняшних разговорах о ценности советской философии (точнее, о значимости интеллектуального и морального опыта мыслителей советского времени) есть один характерный риторически-стилистический

сбой, действия которого не избежал, как мне кажется, и Михаил Немцев в публикуемой выше статье. Нередко уступительно-оправдывающаяся интонация («да, речь идет об эпохе, когда мысль по определению не могла быть свободной» и т.п.) в модальности **а все-таки** неявно переходит в довольно агрессивное утверждение философской и экзистенциальной доброкачественности **той**, прежней – подлинной и ответственной – жизни, в противовес нашему постмодернистскому бессилью и мелкотравчатости. Характерный пример – недавняя мемуарно-публицистическая книга Валентина Толстых¹, вся пронизанная этим горьким рессентиментом и запальчивым самооправданием человека, действительно нерядовые труды и заслуги которого в свете сегодняшнего дня могут показаться и чересчур литературными и нестрогими разом. Принадлежащими, как принято выражаться, «своему времени». В самом деле,

¹ Мы были. Советский человек как он есть. – М.: Культурная революция, 2008. – 768 с.

что скажут для «стандартного» континентального или англо-американского философа, специалиста по Гуссерлю, позднему Виттгенштейну или раннему Шеллингу, или для редактора какого-нибудь венского специализированного «Цайтшрифта» любые неортодоксальные работы по трудовой этике, советской эстетике или марксистскому гуманизму, все эти скрытые (и такие смелые тогда) выпады в адрес советских блюстителей чистоты доктрины, вроде Митина или Федосеева?

Такое «западное» равнодушие к действительно неспрздным заботам и побуждениям советских мыслителей вызывает у их постсоветских наследников объяснимую реакцию: вначале доказать, что «наш» Мамардашвили не хуже, а то и похлеще «их» Сартров и Делезов, а потом – заявить, что весь интеллектуальный континент от Лосева и Бахтина до Зиновьева с Лифшицем пришелся «там» не ко двору в силу фатального «теоретизма», «эстетизма» и прочих девиаций слишком уж искушенной и специализированной мысли, отпавшей от источника ответственной рефлексии и этически нагруженного поступка².

В конце концов, на исходе 2000-х многим людям разных поколений очень уж не хочется возвращаться к разбитому корыту и соглашаться с горьким выводом, озвученным когда-то Борисом Грушиным (не случайно ушедшим в социологию еще в 1960-е). На закате дней подводя итоги, он сказал что-то вроде: мы прожили прекрасную жизнь – но прожили ее зря. Желание Михаила Немцева поспорить со скептическими оценками или отказаться мерить советскую философию и наследующую

ей традицию холодной и одношкальной линейкой «истории идей» (откуда выброшена вся антропология, все богатство и насыщенность социального и индивидуального опыта) тоже вполне объяснимо. Действительно, советскую философию (помимо отмеченного М. Немцевым «кратоцентризма») невозможно оценивать по тому, сколько в ней Гегеля, Канта, Аристотеля и уж тем более Виттгенштейна. Даже ее квалификация как «марксистской» тоже, с моей точки зрения, требует множества оговорок. Кажется, Павлу Копнину приписывают остроумное определение (данное им еще в 1960-е годы) советской философии как по существу герменевтической, ориентированной на поиск правильного (единственно верного) прочтения Главной Доктрины. Недаром главными специалистами по тонкостям диамата в середине XX века на Западе были иезуиты да католики, вроде Густава Веттера или Юзефа Бохеньского. Но тут заключалась и опасность порождения разного рода ересей, поскольку все необходимые прочтения были уже заданы господствующими идеологическими (а вовсе не философскими) нормами. Не случайно философская работа в позднем СССР была по сути оторвана от марксоведения (источниковедческих, интерпретационных, переводческих штудий) – в отличие от британской школы «аналитического марксизма», последователей Луи Альтюссера во Франции и т.д.

Главными направлениями развития советской философии стали, с одной стороны, социально-проективный вектор (теория и рефлексия деятельности в самых разных изводах – включая Батищева и Щедровицкого) и вектор, условно говоря, нормализующий (связанный с возвратом к «нормальной науке», по Куну – с теорией познания и

² Замечательный пример lamentаций такого рода – многочисленные сочинения Виталия Махлина (весьма квалифицированного знатока предмета) о «непонятом» на Западе Бахтине.

науки, историко-философским штудиям, публикациям классиков в серии «Философское наследие» и т.д.)³. Между этими базовыми устремлениями, порой пересекавшимися⁴, и располагалось поле «философствования» 1960–1980-х годов, едва ощутимое ныне во всех подробностях тогдашнего интеллектуального ландшафта. Несмотря на обилие нерегулируемых «сверху» инициатив и семинаров, наличие тамиздата и «голосов», главной в этом поле была, как мне представляется деятельность полуофициальная, связанная с постепенным раздвижением флажков и барьеров – с возможностью сослаться на молодого Маркса, а не на постановления последнего партсъезда, с «ударными» публикациями абсолютно несхожих людей вроде Авринцева, Плимака и Льва Гумилева (а не Митина, Нарского или Иовчука). Объединяющей рамкой «советской мысли» (Soviet Thought, которой был посвящен даже специальный англоязычный журнал) было как раз не прямое противостояние «системе», но ее разнопорядковое «взрыхление». И, например, стандартный номер *Вопросов философии* 1986 года отличался от такого же номера 1968 года в сторону некоей весьма зыбкой «профессионализации». Хотя именно в конце 60-х в журнале работала очень сильная команда; но речь не о ней, а о подспудной смене общих правил, до усиления перестройки довольно разнолинейной. И как только эта официальная скрепа, с которой вынуждены были тогда считаться «все» исчезла, стал достоянием прошлого и сам феномен «советской философии».

³ Эти два течения выделена во время одной из недавних публичных дискуссий о наследии советской философии Виталий Куренной.

⁴ Достаточно назвать работы рано умершего Эрика Юдина или сочинения минских или казахских последователей Ильенкова в 1970-е.

Кто ее олицетворял хотя бы на базовом факультете МГУ? Пламенный подвижник – и сломленный в итоге Ильенков? Безликий карьерист, а ныне мемуарист Косичев? Знающий профессионал Богомолов? (многие ли сейчас сразу вспомнят, о каком именно Богомолве идет речь?)

В любом случае, и в социопроективном (про- или немарксистском) и в «профессиональном» вариантах, эта полуофициальная философия не могла пережить конец советской системы. Это была *мертвая вода*, способная лишь соединять разъятые вихрем социальных потрясений и террора блоки, но не дающая, именно в квинтэссенции своей, свободной беспредпосылочности опыта, выбора, поступка. Но поскольку во многом сегодня живы неформальные парасоветские социальные и мыслительные структуры – свою мейнстримную и условно «либеральную» миссию эта советская философия по-прежнему исполняет, живя в нишах академической рутины, публицистики «для своих» и вузовского преподавания⁵. Самые важные и знаковые фигуры ретроспективного почитания тут – Ильенков и Мамардашвили; недаром им посвящено столько продукции, преимущественно мемуарной, которая все никак не обретет аналитические качества. Но разговор о них «без скидок на обстоятельства» в содержательных историко-философских категориях, а не только во «внешней» рамке истории идей и институций – едва ли возможен. А вот о Лешке Колаковском, Яне Паточке или Агнеш Хеллер – пожалуй что да. Вообще, восточноевропейский контекст нашего философского развития (включая парал-

⁵ Я благодарен Александру Бикбову за содержательное обсуждение этих сюжетов в беседе «Люди и положения»: к генеалогии и антропологии академического неоконсерватизма (НЛО. – 2010. – № 105).

лели с югославским «Праксисом») – сюжет очень мало изученный, но, на мой взгляд, весьма перспективный.

И последнее. Можно, конечно, пытаться – как предлагает Михаил Немцев – отрешиться в разговоре о советской философии (или, шире, философии советского времени) и от чрезмерно общей историко-идейной шкалы и одновременно не поступливать явно или косвенно нормативность «западного» развития. Но, на мой взгляд, антропология мыслящих одиночек (Давида Зильбермана или Лины Тумановой, о которых он ведет речь) едва ли даст нам некие ключи к опыту интеллектуальной жизни советских гуманитариев в каком-нибудь не столь уж заоблачно давнем, пресловутом 1984 году. И все же без нормативности (не «Запада», но – свободы) нам не обойтись, ибо в советских условиях была невозможна именно свободная и относительно пу-

бличная рефлексия социального опыта. И эти «мы», к счастью, отделены от советской философии опытом другой жизни – жизни, которая стала нашей после конца советской системы на излете Перестройки. Если уместно отсылать к путешествию Платона на Сиракузы для разговора о советской философии, – вспомним, что *туда* он поехал сам. Советские же мыслители если и могли (весьма нечасто) выбирать – то разве только, как и когда уехать *оттуда*. Так может ли все-таки быть написана антропология полусвободы? Так или иначе – не стоит ждать еще двадцати лет для ответа на этот вопрос.

Литература

Толстых В.И. Мы были. Советский человек как он есть / Толстых Валентин. – М.: Культурная революция, 2008. – 768 с.